

ЕГИПЕТ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

EGYPT AND NEIGHBOURING COUNTRIES

Электронный журнал / Online Journal

Выпуск 1, 2018

Issue 1, 2018

DOI: 10.24411/2686-9276-2018-00004

Работы Антуана Мейе по индоевропейскому именному предложению и проблемы египетской филологии

А. С. Четверухин*

Статья посвящена теории синтаксиса древнеегипетского языка, а именно проблеме предложения, включающего в свою структуру маркеры pw и jw . Рассматривая несочетаемость этих маркеров, отмечаемую исследователями, автор приходит к выводу, что оба маркера являются реализациями квантера экзистенциальности. При этом jw оказывается показателем переменной функции данного квантера, а pw — константной. Несочетаемость маркеров предикации обусловлена тем, что начальные морфы j и p функционально различны: j — это релятивный морф, а p — классово-предметный.

Ключевые слова: древнеегипетский синтаксис, древнеегипетский язык, бытийный глагол, именное предложение, глагольное предложение.

В развитии теории синтаксиса рубеж XIX и XX столетий ознаменовался ростом интереса к именному предложению и превращением его в объект специального исследования. Этот феномен был обусловлен всем ходом развития семитологии, где особую роль сыграла новаторская работа С. де Саси по описанию арабской грамматики¹, а также сводное издание и комментированный перевод одного из важнейших первоисточников арабской грамматической традиции — «Книги» Сибавейхи². К началу XX в. концепция

* Статья публикуется посмертно. При публикации были сохранены стиль и грамматические особенности оригинала. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка. Примечания и список библиографии переформлены в соответствии с требованиями журнала. Редакция выражает благодарность А. А. Белову за перевод с французского языка фрагмента, утрачен-

ного в русскоязычной рукописи, но сохранившегося в варианте статьи на французском языке. Восполненный фрагмент отмечен в тексте. Также мы благодарим О. В. Трефилову за помощь при подготовке статьи к изданию. — *Примеч. ред.*

¹ De Sacy 1831: 511ff.: chapitre II.

² Derenbourg 1881: 6, § 3; Jahn 1895: 9, § 3; 355, § 132.

именного предложения как вполне самостоятельного и равноправного с глагольным прочно вошла в описание сирийского³, еврейского⁴, арабского⁵ и египетского⁶ языков. Важная роль в превращении этой концепции в общетеоретическую с выходом за рамки семитологии принадлежит арабисту Х. Рекендорфу⁷ и индоевропеисту А. Мейе⁸, исследования которых завершили этап формирования этого особого направления в изучении синтаксиса. Э. Бенвенист, несколько преувеличивая заслугу А. Мейе, полагал, что именно благодаря ему «именное предложение получило свой первый лингвистический статус»⁹.

Еще предшественники А. Мейе отмечали и даже иногда подчеркивали отсутствие финитной формы глагола, в том числе и бытийного в функции связочного, в семитском именном предложении. Правда, указывалось на возможность дополнения структуры именного предложения при помощи некоторых указательных местоимений или личного местоимения 3-го лица, приобретающих роль местоименной копулы. Констатировалась возможность вхождения в структуру такого предложения и глагола бытия в целях уточнения грамматического времени, относившего семантику утверждения обычно к прошедшему или предпрошедшему времени к моменту повествования.

Исследуя именное предложение на материале живых и мертвых индоевропейских языков, А. Мейе уделил исключительное внимание поведению и смыслу глагола-связки. Он высказал и по возможности обосновал предположение о его вторичном вхождении в структуру именного предложения, к которому он относил вслед за семитологами и адвербиальное. Именно ему принадлежит идея о первоначальной роли экзистенциального глагола в составе именного и адвербиального предложения как носителя эмфазы истинности высказываемого, причем сам глагол, в соответствии с современной терминологией, играл роль детерминанта. Им прослежено последующее исчезновение эмфазы, грамматикализация бытийного глагола уже в составе именного предложения, формализация результирующей синтаксической структуры и последующее выхолащивание исходной экзистенциальной семантики у глагола-связки, что в конечном счете вело фактически к полному выравниванию всех типов предложения под глагольное. С теми или иными оговорками почти всё это относится и к египетскому языку, взятому в диахронии староегипетский — коптский, да и вообще к афразийским языкам, как это было недавно подтверждено в монографии Д. Коэна¹⁰.

Исследование именного предложения в египетском языке, по существу, началось с первого издания новоегипетской грамматики А. Эрмана в 1880 г. и затем было про-

³ Nöldeke 1898: § 309.

⁴ Albrecht 1887: 218–224 (особенно S. 219, Anm. 1); 1888.

⁵ Reckendorf 1895: § 1–7.

⁶ Erman 1880: § 316–319. Возможно, А. Эрман заимствовал концепцию именного предложения у Б. Стада (Stade 1879: § 318), но, поскольку вопрос об арабской лингвистике представлен в § 316 довольно абстрактно, остается лишь предположить, что дан-

ное определение было взято напрямую у С. де Сасси (см. примеч. 1) или же у одного из представителей его школы.

⁷ Reckendorf 1899: 167–189 (особенно 167–171).

⁸ Meillet 1906: 1–26; 1908: 73–103; 1910: 344–348. Его наиболее близким последователем был Ж. Блок (Bloch 1906: 27–96).

⁹ Benveniste 1950 (особенно p. 19).

¹⁰ Cohen 1984.

должно им же в описаниях египетской грамматики¹¹. Эти работы, а также специальная монография К. Зете¹², явившаяся первой капитальной работой в истории изучения именного предложения вообще, завершили этап становления этого направления синтаксических исследований в египтологии и на многие десятилетия определили круг проблем, рассматривающихся в рамках этих исследований: структурно-грамматический и логико-грамматический анализ. Почти все достоинства и недостатки заданного направления присутствуют и в самых последних работах по именному предложению.

В семитологии учение об именном предложении было подчинено нуждам практического описания конкретного языка. Интерес проявлялся к тем же самым проблемам, что и в египтологии. Существенным подспорьем для семитологов явилось наличие категории детерминации уже в языках древнего состояния. Осложняющим моментом явилась дискуссия об аккадском стативе: относится ли он к сфере глагольного или именного предложения? Этот вопрос породил обильную литературу, приводить которую здесь просто нет надобности. Проблема до сих пор не решена из-за непонимания структуры и истинной семантики морфологических показателей статива, а также места аккадского языка в континентальной типологии. Отмечался интерес и к темпоральной приуроченности именного предложения; первая работа в этой области вышла в свет еще в 1914 г.¹³ В целом же проблема именного предложения вплоть до самого недавнего времени оставалась периферийной, и вплоть до 1975 г.¹⁴ не существовало обобщающих работ в этой области. Только после 1984 г. появились предпосылки превращения этого направления в одно из центральных и в семитологии.

Характерным, и притом весьма негативным, моментом является почти полное отсутствие взаимного интереса и, соответственно, взаимосвязи в развитии региональных исследований при подходе к именному предложению. Только в последнее время намечается становление пока что весьма противоречивой и расплывчатой общетеоретической базы в этом направлении синтаксических исследований. Именно в этой связи так важно оглянуться на достижения первого этапа развития учения об именном предложении, закончившегося в семитологии в первые годы нашего столетия после выхода работ Х. Рекендорфа, Т. Нёльдеке, Е. Кауча¹⁵, К. Штойернагеля¹⁶ и некоторых других исследователей, в египтологии — в 1916 г. в связи с выходом монографии К. Зете и несколькими годами ранее — в индоевропеистике после опубликования серии статей А. Мейе.

Здесь необходимо подчеркнуть, что, в отличие от подавляющего большинства семитских (за исключением, пожалуй, аккадского¹⁷) и индоевропейских языков (но, кстати, почти как в современном русском), в египетском языке четко противопостав-

¹¹ Erman 1889: § 274; 1894: § 327 (2-е изд., 1902 г., § 351ff.; 3-е изд., 1911 г., § 469ff., 4-е изд., 1928 г., § 469ff.).

¹² Sethe 1916.

¹³ Schwally 1914.

¹⁴ Hodge 1975. В нашей стране единственный экземпляр данной работы находился у И. М. Дьяконова.

Автор настоящей статьи не смог ознакомиться с этой бесследно исчезнувшей публикацией.

¹⁵ Kautzsch 1889.

¹⁶ Steuernagel 1903: § 78.

¹⁷ Von Soden 1952: § 126–127 (особенно § 126, 2. а. 1).

лялись конструкции типа «он — тот-то» и «он является тем-то». Мало в каком языке столь отчетливо выступает противопоставление предложений тождества, классификационных и квалификационных. Классифицирующие, а в некоторых случаях и квалифицирующие предложения допускали построение по модели идентифицирующего предложения — в последнем случае квалификатор-прилагательное по законам старой логико-грамматической модели ставился на первое место в предложении, т. е. в сильную позицию, но не вводился экзистенциальными глаголами. Обратное утверждение неверно. Предложение тождества почти никогда не допускало усиления при помощи бытийного глагола, и если это всё же происходило, то по строению конструкций видно, что бытийный глагол выступал в роли детерминанта, а не компонента структуры предложения тождества¹⁸. Точно так же в предложении именного типа не допускалась финитная глагольная форма, за исключением одного-единственного случая в составе номинализованного глагольного предложения результативно-обобщающего значения¹⁹. Именное предложение обладает константной семантикой, приближающейся к стативной, семантикой, несколько размываемой, но до конца не устраняемой вхождением активных причастий с глагольным управлением в его состав. Классифицирующее предложение, конструируемое, как правило, по модели «первый конститuent — имя + второй конститuent — предлог со значением ‘в виде, в качестве’ + третий конститuent — имя», содержит потенциальный момент изменчивости, обусловленный тем, что классифицируемое имя (т. е. первый конститuent) может быть причастно сразу к нескольким классификациям, а также может изменить место в классификации, элементом которого является имя, выступающее в виде третьего конститuenta. Квалифицирующее предложение, помимо выше оговоренного случая, почти всегда подразумевает возможность динамики, т. е. переходящий характер приписываемого признака.

Если идентификационная модель почти всегда может потребовать усиления логико-грамматической маркировки²⁰, то остальные две, по традиции неправильно причисляемые к именному предложению, нередко требуют подкрепления в смысле дополнительного утверждения их истинности как по отношению к моменту высказывания, так и по отношению к контексту (ситуации) в целом, а также выделения либо, наоборот, связи с предыдущими высказываниями. В идентифицирующих предложениях в качестве основного актуализатора выступало указательное местоимение, выполнявшее, если быть максимально точным, роль формального логико-грамматического субъекта, превращавшего логико-грамматическую модель в жесткий статичный трехчлен²¹ до тех пор, пока какие-нибудь новые тенденции, например общий сдвиг позиции логического ударения либо сверхчастое употребление таких моделей, не превращали демонстратив в «локус в поверхностной структуре»²².

¹⁸ Gardiner 1950: § 468, 3.

¹⁹ Четверухин [б. г.].

²⁰ Учитывая вопросительные и отрицательные модели реализации личных предложений, а также дополнительные логические и грамматические средства, общее число их вариантов достигает 60. Эти модели рассматриваются в статье Четверухин 1993.

²¹ Четверухин 1981.

²² V. aussi Depuydt 1986: 91–117; Lyons 1968: 322. Именно по этой причине автор настоящей статьи решительно отвергает термин «связка» (принятый, к примеру, Дж. Б. Каллендером в его работе Callender 1984) в отношении *rw*, используемом в египетском языке Древнего и Среднего царств.

В классифицирующих предложениях, построенных обычно по модели адвербиального предложения, применялись по преимуществу два средства: 1) вводная аттрактивная частица $m(j)$ (и ее расширенные варианты, уточняющие адресата обращения, а именно $m(j).k$, $m(j).t$, $m(j).tn$, которые в сочетании с антиципированным конституентом в виде местоименной репризы могли предпосылаться всему составу предложения ради логико-грамматической эмфазы и в случае предложения тождества) и 2) бытийные глаголы jw и $wn(n)$. Первое средство способствовало верификации истинности суждения к моменту или в момент сообщения; второе средство подчеркивало истинность сообщения скорее по отношению ко всему контексту, к какой-то более сложной совокупной ситуации. Но вот что действительно бросается при этом в глаза, так это несочетаемость маркеров rw и jw ²³.

Поскольку мнение об jw и $wn(n)$ как о глаголах бытия — а по вторичной семантике и функции в предложении вне зависимости от их происхождения они и являются таковыми — утвердилось еще в прошлом столетии, то наблюдение об их несовместимости с логико-грамматическим субъектом rw могло быть сделано еще на рубеже столетий или хотя бы в вышеуказанной монографии К. Зете. И если это обстоятельство по каким-то малопонятным причинам ускользало от исследователей египетского синтаксиса вообще и именного предложения в частности, то было бы достаточно обратить внимание на проблематику, волновавшую индоевропейцев А. Мейе и Ж. Блока. С другой стороны, это несостоявшееся наблюдение могло бы, вероятно, ввести в более конструктивное русло и дискуссию индоевропейцев о том, является ли бытийный глагол локусом в поверхностной структуре²⁴ или компонентом глубинной структуры²⁵. Но, естественно, самые важные последствия это замечание имело бы для самой египетской филологии. Создается впечатление, что понятие «именное предложение» было перенято египтологами из семитологии без должного критического переосмысления применительно к своему материалу. Причем в семитологии исходным материалом для разработки этого представления, и к тому же не в русле традиционной арабистики, а во вполне научной новой интерпретации, явились языки, в которых именное предложение уже фактически инкорпорировалось в глагольное, допуская практически беспрепятственное включение бытийного глагола в первоначально безглагольную структуру — таковы арабский, еврейский, арамейский, сирийский, геез, амхарский. Закономерным результатом явились не выдержанные для египетского материала синтаксические классификации, наиболее престижная из которых предлагает универсальное деление египетских предложений на глагольные и неглагольные²⁶ даже вопреки вышеуказанному факту, по существу замеченному самим автором, известным к тому же не только как египтолог, но и как лингвист-теоретик. По самой своей сути такая классификация в конечном счете восходит к старинной трактовке предложений, не содержащих финитной глагольной формы, как структурно-неполноценных эллиптических²⁷. С другой стороны, это определение является результатом неопределенного традиционного отождествления глагольности,

²³ Gardiner 1950: § 125.

²⁴ Lyons 1968.

²⁵ Benveniste 1950: 28. Нейтральную позицию занимает О. Есперсен, см.: Есперсен 1958: 137–139.

²⁶ Gardiner 1950: § 27–28.

²⁷ См. грамматику Арно — Лансело (1660 г.): Lancelot, Arnauld 1969: 27, 146.

сказуемости и предикативности — понятий разных планов в иерархии грамматической системы, которые «перекрещиваются, но не совпадают друг с другом»²⁸. Если исходить только из семантики предложения, отвлекаясь от его морфосинтаксической структуры, то можно смело утверждать, что в любом языке глагольные и тесно связанные с ними адвербиальные предложения решительно преобладают над именными, но основанное только на количественном критерии членение египетского предложения на глагольные и неглагольные препятствует даже самому стремлению понять структуру египетского языка.

Неудовлетворенность такой абстрактной в худшем смысле слова классификацией вылилась в острую полемику, затянувшуюся на несколько десятилетий. В ходе нее высказывались зачастую взаимоисключающие точки зрения. В результате отказа от семантической количественной классификации Ф. Юнге была разработана почти столь же субъективистская формально-конструктивная классификация. По его мнению, всё египетское предложение базируется на именном типе, и вместо прежних глагольного и неглагольного типов предлагаются именное маркированное и немаркированное предложения²⁹. Релевантными для маркированного типа являются структурные элементы *jn* и *rw*, для немаркированного — *ju*. По части маркировки это почти совпадает с нашими собственными представлениями за тем лишь исключением, что элемент *jn* мы не считаем релевантным показателем. Сама же формулировка исходного синтаксического прототипа как именного неудачна, ибо наводит на неправильные представления и опять-таки заводит в тупик. Правомерность такого определения сравнима с теоретической попыткой объявить китайский синтаксис именным. Дело, разумеется, не в названии, а в том, что реконструируемая протоструктура, которая действительно очень похожа на именную, даже более того — наиболее доступна для понимания как именная, на самом деле свидетельствует о господстве предикативной определительной синтагмы, что, в свою очередь, свидетельствует об активно-эргативной типологии египетского языка, о чем мы уже писали в других работах³⁰.

Наблюдения А. Мейе подтверждаются и интерпретацией выводов, полученных в свое время академиком М. А. Коростовцевым относительно *ju* как «квантора предикативности»³¹. Если выводы М. А. Коростовцева реинтерпретировать в терминах логической семантики³², то *ju* и *rw* предстают как две реализации квантора экзистенциальности³³. Исходя из обобщенной семантики главных типов предложения, *ju* оказывается показателем переменной функции данного квантора, *rw* — константной. Именно несочетаемость *rw* и *ju* как маркеров предикации наводит на мысль о том, что 1) оба они имеют принципиально общее происхождение и 2) начальные морфы *j* и *r* являются семантико-функционально разграничительными. Если учесть далее, что *j* — релятивный морф³⁴, а *r* — (классово?)-предметный, тогда как *w* — показатель сферы ближайшей совокупности, то именно отношение к сфере ближайшей совокупности — константное или потенциально-изменчивое — является содержанием маркеров типов предло-

²⁸ Банару 1973: 36.

²⁹ Junge 1978: 127ff.

³⁰ Четверухин 1986: 1988.

³¹ Коростовцев 1968.

³² Бессонов 1985: 106–107.

³³ Четверухин 2004.

³⁴ Четверухин 1988; Tchétvéroukhine 1988; Четверухин 1989.

жения. При этом нет ничего удивительно в том, что по крайней мере бытийный глагол *jw* оказывается дейктического происхождения, поскольку это явление имеет широкие аналогии³⁵. Все эти вопросы автор собирается подробнее рассмотреть в других исследованиях*.

Завершая данную статью, отметим, что правоту наблюдения А. Мейе подтверждает не только весь ход реконструкции прототипа египетского предложения, в котором структурные элементы *jw* и *rw* становятся вторичными, но даже и сама история развития грамматики, свидетельствующая о регулярном и частом обращении к конструкциям с использованием маркеров, рассматриваемых в диахроническом ракурсе дренеегипетского и коптского языков.

Как показывает опыт решения проблем подобного рода, будь то с помощью сравнительно-исторического, сопоставительного методов или метода структурного анализа, наиболее эффективным способом исследования является комбинирование всех перечисленных методов, а не использование лишь одного из них. Попытка ограничиться изучением только одного лингвистического явления влечет за собой невнимание к другим, которые обнаруживаются лишь при сравнительном подходе. Здесь нельзя обойтись и без истории науки, так как в итоге становится ясно, что ранее полученные понятия и суждения, не будучи отброшенными, продолжают влиять на взгляды исследователя вопреки его воле. Кроме того, случается, что эти понятия и суждения вполне правомерны в одном случае, в то время как, будучи применены в другой ситуации, в конечном счете приводят к негативному результату. История науки требует тем большего внимания, что пожелтевшие страницы забытых рукописей могут содержать сюрпризы в виде наработок для решения самых современных проблем. Ярким тому примером может послужить исследование А. Мейе об эволюции глагола-связки, рассматривающее именно предложение как равноправное с глагольным³⁶.

Библиография

Банару 1973	Банару В. И., Очерк по теории предикативности (Кишинев, 1973).
Бессонов 1985	Бессонов А. В., Предметная область в логической семантике (Новосибирск, 1985).
Ернштедт 1986	Ернштедт П. В., Исследования по грамматике коптского языка (Москва, 1986).
Есперсен 1958	Есперсен О., Философия грамматики (Москва, 1958).
Коростовцев 1968	Коростовцев М. А., 'Некоторые факты новоегипетского языка в освещении трансформационной грамматики', Вопросы языкознания 2 (1968): 101–105.
Четверухин [б. г.]	Четверухин А. С., Обобщающие предложения «глагольно-именного» типа в египетском языке. Неизданная рукопись.
Четверухин 1981	Четверухин А. С., 'Синтаксическая функция указательного местоимения <i>rw</i> в староегипетском именном предложении', Вестник древней истории 4 (1981): 97–111.

³⁵ Юдакин 1984: 116–118.

* Начиная со следующего абзаца и до конца статьи текст восстановлен по ее версии на французском языке. — *Примеч. ред.*

³⁶ Ср. с тезисом о претеритальной приставке, допустимой для всех типов коптского предложения, см.: Ернштедт 1986: 183.

- Четверухин 1986** Четверухин А. С., К определению строя египетского языка старого состояния. В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, XX/II (Москва, 1986): 28–94.
- Четверухин 1988** Четверухин А. С., Египетский маркер агенса *jn* и предлог *n* «для; от». В кн.: Академия Наук СССР. Ордена Трудового Красного Знамени Институт Востоковедения. Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Языкознание (Москва, 1988): 140–143.
- Четверухин 1988** Четверухин А. С., Позиция египетского языка в континентальной типологии. В кн.: Академия Наук СССР. Научный совет по проблемам Африки. Институт Африки. Институт языкознания. Язык в Африке: лингвистические проблемы современной Африки, II: Компаративистика. Этнолингвистика. Культурология. Письменность (Москва, 1988): 35–41.
- Четверухин 1989** Четверухин А. С., Анализ староегипетской частицы (*j)sk/t*. В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, XXII, II (Москва, 1989): 109–115.
- Четверухин 1993** Четверухин А. С., ‘Актуализаторы в староегипетском именном предложении’, Палестинский сборник 32 (1993): 84–92.
- Четверухин 2004** Четверухин А. С., Реализация и смысл квантора экзистенциальности в структуре египетского предложения. В кн.: Ассириология и египтология. Сборник статей (Санкт-Петербург, 2004): 136–170; 236–237.
- Юдакин 1984** Юдакин А. П., Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли (Москва, 1984).
- Albrecht 1887** Albrecht C., ‘Die Wortstellung im hebräischen Nominalsatz. I’, Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft 7 (1887): 218–224.
- Albrecht 1888** Albrecht C., ‘Die Wortstellung im hebräischen Nominalsatz. II’, Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft 8 (1888): 249–263.
- Benveniste 1950** Benveniste E., ‘La phrase nominale’, Bulletin de la Société de linguistique de Paris 46 (1950): 19–36.
- Bloch 1906** Bloch J., ‘La phrase nominale en sanskrit’, Mémoires de la Société de linguistique de Paris 14 (1906): 27–96.
- Callender 1984** Callender J. B., Studies in the nominal sentence in Egyptian and Coptic (University of California publications. Near Eastern studies 24; Berkeley, 1984).
- Cohen 1984** Cohen D., La phrase nominale et l’évolution du système verbal en sémitique: études de syntaxe historique (Louvain, 1984).
- De Sacy 1831** De Sacy S., Grammaire arabe (2e éd.; Paris, 1831), II.
- Depuydt 1986** Depuydt L., The Emphatic Nominal Sentence in Egyptian and Coptic. In: Englund G., Frandsen P. J. (ed.), Crossroad. Chaos or the beginning of a new paradigm (København, 1986): 91–117. (Also in: Orientalia 56 (1987): 86–88.)
- Derenbourg 1881** Derenbourg H. Le livre de Sibawaihi, I (Paris, 1881).
- Erman 1880** Erman A., Neuägyptische Grammatik (1. Aufl.; Leipzig, 1880).
- Erman 1889** Erman A., Die sprache des papyrus Westcar (1. Aufl.; Göttingen, 1889).
- Gardiner 1950** Gardiner A., Egyptian grammar (2nd ed., London, 1950).
- Hodge 1975** Hodge C. T., ‘The nominal sentence in Semitic’, Afroasiatic linguistics 2/4 (1975): 69–75.
- Jahn 1895** Jahn G., Sibawaihi’s Buch über die Grammatik, I (Berlin, 1895).
- Junge 1978** Junge F., Syntax der mittelägyptischen Literatursprache (Mainz, 1978).
- Kautzsch 1889** Kautzsch E., Wilhelm Gesenius’ hebräische Grammatik (Leipzig, 1889).
- Lancelot, Arnauld 1969** Lancelot C., Arnauld A., Grammaire generale et raisonnee (Paris, 1969).
- Lyons 1968** Lyons J., Introduction to theoretical linguistics (London, 1968).
- Meillet 1906** Meillet A., ‘La phrase nominale en indo-européen’, Mémoires de la Société de linguistique de Paris 14 (1906): 1–26.

- Meillet 1908** Meillet A., 'Notes sur quelques faits gotiques', Mémoires de la Société de linguistique de Paris 15 (1908): 73–103.
- Meillet 1910** Meillet A., 'La phrase nominale pure en arménien', Mémoires de la Société de linguistique de Paris 16 (1910): 345–349.
- Nöldeke 1898** Nöldeke Th., Kurzgefasste syrische Grammatik (2. Aufl.; Leipzig, 1898).
- Reckendorf 1895** Reckendorf H., Die syntaktischen Verhältnisse des Arabischen, I (Leiden, 1895).
- Reckendorf 1899** Reckendorf H., 'Zur allgemeinen Syntax', Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde 10 (1899): 167–189.
- Schwally 1914** Schwally F., 'Zum hebräischen Nominalsatz', Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft 68 (1914): 111–117.
- Sethe 1916** Sethe K., Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen (Leipzig, 1916).
- Stade 1879** Stade B., Lehrbuch der hebräischen Grammatik, I (Leipzig, 1879).
- Steuernagel 1903** Steuernagel C., Hebräische Grammatik (Leipzig, 1903).
- Tchetveroukhine 1988** Tchetveroukhine A. S., 'Unexpected linguistic interpretation of Jn «Say(s), Said', Göttinger Mizellen 104 (1988): 75–88.
- Von Soden 1952** Von Soden W., Grundriss der akkadischen Grammatik (Roma, 1952).

Works by Antoine Meillet on the Indo-European nominal sentence and issues of Egyptian philology

A. S. Tchetveroukhine

This paper focuses on syntax of the Ancient Egyptian language, namely — sentences having markers *pw* and *jw* in their structure. The paper is published posthumous.

Keywords: Ancient Egyptian syntax, Ancient Egyptian language, verbal sentence, nominal sentence, copular verb.